

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Узнай меня
С первого взгляда	Заповедник потерянных душ
Второй подарок судьбы	Ангел мщения
Зеленые глаза викинга	Первый шаг к пропасти
Тайна, приносящая смерть	Вкус запретного плода
Цвет мести – алый	Исповедь обманутой жены
Не доставайся никому!	Свидетельницы зла
Чужая жена – потемки	Королева отшельников
Возвращаться – плохая примета	Игры небожителей
Врачебная тайна	Грех с ароматом полыни
Призрак другой женщины	Кукла-любовь
Тайну хранит звезда	Позови ее по имени
Семь лепестков зла	К северу от любви
Свидание на небесах	Пепел прошлого
Ведьма отмщения	Без крестной феи
Программа защиты любовниц	Псевдоним украденной жизни
Кинжал в постели	Цена откровения
Гнев влюбленной женщины	Конец игры с продолжением
Лучший день в году	Шоу семейных секретов
Нирвана для чудовища	В интересах личного дела
Незнакомка с тысячью лиц	Правда персонального формата
Последнее прибежище негодяя	Простить нельзя помиловать
Счастье с третьей попытки	Лабиринт простых сложностей
Подвенечный саван	Теория вероятного чуда
Заклятие счастья	Забавы мертвых душ
Торговка счастьем	Преступные игры гения
Амур с оптической винтовкой	Тайна за семью печалями
Мечь Спящей красавицы	По следам старых грехов
Демон ревности	Золотое правило молчания
Преступно счастливая	Дневники преступной памяти
Изменница поневоле	Последний секрет на троих
Закон сильной женщины	Сто причин поверить
Без вины преступница	Маршрут случайных пассажиров
Пленная птица счастья	Тест на доверие
Ничего личного, кроме боли	Маскарад благих желаний
Заговор обреченных	Герои старого кино

ГАЛИНА РОМАНОВА

ДЛИННАЯ ТЕНЬ ГРЕХА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 *Длинная тень греха : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.*

ISBN 978-5-04-227134-2

Любовь с первого взгляда — возможно ли такое в наше время? Оказывается, да! Встретив Влада Хабарова, юная Олеся поняла: вот он, ее родной и единственный. Только Хабаров испугался чувств бесшабашной девчонки, которая ни с того ни с сего подошла к нему и пригласила к себе домой. Да и не до любви ему было: все мысли о разводе с женой-изменщицей... Пока Влад думал, кто-то убил его неверную супругу. Конечно же, все улики против него. И никто не верит в его невиновность, кроме Олеси. Но кого убедят доводы влюбленной девушки?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227134-2

© Романова Г.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ШАБА 1

От жгучего мороза трещало все в природе. Да и в его жизни тоже. И жизнь сама, казалось, трещала по швам, которые он любовно ладил последние пятнадцать лет. Стежок за стежком. День за днем. Год за годом. А потом полетело все куда-то в тартарары — со страшным свистом. Сначала, правда, медленно катилось. Заметное ускорение гораздо позже наметилось — года четыре назад. И с тех пор... и с тех пор по накатанной вниз. Без остановки.

Влад, тяжело вздохнув, приоткрыл один глаз. Электронное табло будильника показывало половину пятого. Вставать было ему рано. Вот если бы часом позже, тогда можно и не мучиться, а смело вылезать из кровати. А сейчас... сейчас это совершенно некстати. Начнет ходить по квартире — непременно кого-нибудь разбудит, потому что полы скрипят. О том, чтобы посмотреть на кухне телевизор, нечего и думать, наверняка нарвется на недовольный окрик. В ванную тоже нельзя. Шум воды вообще полдома разбудит. К тому же кран горячей воды что-то повизгивает. Починить бы, да все некогда.

Влад осторожно перебрался ближе к краю кровати, дотянулся до оконной шторы и слегка ее отодвинул.

Снова мороз, ну что ты будешь делать! Окно запылилось так, что даже на подоконнике спальни лед. Давно пора стеклопакеты ставить. Те, говорят, не промерзают. Давно-то давно, но... пора еще не настала.

Вообще-то, будь его воля, он бы, может, многое тут поменял. Начал бы с окон, а закончил... женой.

От этой мысли Влад похолодел.

Надо же, он ведь впервые так подумал. Впервые за пятнадцать лет их совместной жизни и впервые за четыре последних — особо несчастных — года. Никогда прежде он даже мысли такой не допускал. Никогда! А тут вдруг в пятницу, в половине пятого утра взял и допустил. Допустил возможность нормального существования без жены. А разве оно вообще возможно, подобное существование?! Пятнадцать лет — это ведь не пятнадцать дней. Это же целая жизнь, наполненная счастьем, надеждами, ожиданием. В конце концов, не все и не всегда было так плохо.

Сразу вспомнилось, как высвистывал ее на свидание под окнами общежития. В прямом смысле высвистывал! Она высунется в окошко на втором этаже, рукой махнет и минут через пять-десять выпорхнет из дверей общаги. И тут же бегом к нему: руки вразлет, глаза сияют, губы улыбаются...

Ох уж эти ее губы! Он ведь половину своей жизни думал только о них, и казалось, не насытитесь ими никогда. Разве мог он тогда предположить, что эти губы способны произносить?

Он вдруг, не заботясь о старых пружинах матраса, резко повернулся к жене и положил свою руку

ей на талию. Даже не шевельнулась! Как лежала спиной к нему — она теперь всегда спиной к нему засыпала и просыпалась, — так и продолжила лежать. А раньше! Стоило ему ногой шевельнуть, тут же тянулась к нему всем телом. И могли ведь, не заботясь о времени, любить друг друга до изнеможения. Единственное, о чем всегда беспокоились, так это чтобы пацана за стенкой в соседней комнате не разбудить. Нельзя было, чтобы он слышал, как методично и осторожно поскрипывает старый матрас под ними. И еще как, задыхаясь, душат они в себе тот последний крик. Сын не должен был слышать и догадываться, что его предки так же, как и в кино, все еще могут.

Влад невесело усмехнулся. Могут-то могут, только вот не хотят. Редко, ох как редко стали допускать его до тела. То голова болит, то дни не те, то усталость невероятная валит с ног, то... А то и просто видеть его не желают. Глаза их на него не смотрели бы, уши не слышали бы, и так далее и тому подобное. Странно еще, что спать продолжают в одной постели. Негде просто, наверное, больше, потому и укладываются день за днем под одно одеяло.

Марина вдруг вздрогнула, напряглась и медленно, двумя пальцами стащила его руку с себя.

Ну вот! Что, собственно, и требовалось доказать. Снова его не хотят.

Ну и ладно! Влад со злостью отвернулся. Не очень-то и хотелось! Нет так нет! Ему и в самом деле надоело навязывать себя, будто товар второсортный.

— Дурак ты, Владюха! — в прошлую пятницу вдруг произнес его старый друг и соратник Андрюха Анохин, когда они пили пиво в баре за углом.

— Почему? — вяло поинтересовался тогда он, хотя был согласен на все сто.

— Да потому! Позволяешь иметь себя как угодно! Разве это по-мужски?! — возмутился Андрюха. — Нет! И вообще, давно пора тебе запомнить, что в этой жизни либо ты имеешь, либо тебя имеют! А тебя разве только попугай ваш не имеет! Маринка, Веник твой, теща... Последнюю я давно бы удавил собственными руками...

— Нельзя, дружище! Статья!

Влад при упоминании о теще тут же загрузил.

Давным-давно, в юности, ему казалось, что плохих людей не существует в природе. Каждый может быть в равной степени как хорошим, так и не очень. Поступки человека, думал он, провоцируются средой обитания, уровнем воспитания и образованности. А иногда и обстоятельствами. Последние могут так припереть, что любой хороший и идеальный индивидум способен превратиться в зверя. И, собственно, не так уж Влад и ошибался. Но вот теща...

Галина Степановна, наверное, уже родилась отвратительной. Отвратительной как снаружи, так и изнутри. Она просто... просто была средоточием зла, зависти и неприязни ко всем, кто не разделял ее точки зрения.

Влад не разделял, потому и не властвовал. Потому и называл его Андрюха дураком, небезосновательно полагая, что его все имеют. Все, кроме их попугая.

Пора заявить о своих правах. Давно пора, но Влад решил только вчера. Робко так, не в полную силу, но голос был подан.

Что он сделал?

А он попугая их семейного подарил маленькой девочке, что жила с родителями этажом выше и очень хотела птичку. Вот Влад и осуществил детскую мечту.

Что будет, когда Марина проснется и обнаружит пропажу? Она же еще не знала об этом, и Вениамин — их сын — тоже. Влад сделал это тайком ото всех, измучившись просыпаться каждое утро в половине пятого от мерзкого стрекотания и набрасывать на клетку с вопящим попугаем старую Венькину пеленку.

Вот странное дело! Как щебетал попугай, никто кроме него не слышал. А стоило Владу скрипнуть половицей, так тут же недовольство...

Надо же, попугая теперь уже нет, а он все равно проснулся в половине пятого.

Ладно, зато у него в запасе целых полтора часа. Можно подумать в спокойной, тихой обстановке. Потом ее не будет. Марина проснется и поднимет шум из-за Кешки. Снова станет ругаться, оскорблять, проклинать тот день и час, когда согласилась на брак с ним. Потом она примется звонить своей маме и...

Вечером Галина Степановна непременно появится у них. Будет испепелять его гневными глазами и шипеть ему в спину (в лицо не осмеливается), какой он бездушный, черствый и тривиальный.

Кто же из них двоих: Маринка или ее мама впервые назвали его тривиальным? Теперь разве вспомнишь! За четыре года чего он только не услышал от мамы с дочкой.

Тривиальный... Банальный... Несовременный...

Во всем! Во всем буквально несовременен и прозаичен, как ломоть черного черствого хлеба! Это Маринка умничала.

Интеллигент от сохи. Инженер с грязными ногтями. Кулибин без штанов. Это уже тещин аккорд.

Может, в чем-то они были и правы, эти бабы. Может, и обижаться не стоило. Только... только не мог и не хотел он по-другому. И плевать, что его однокурсники через одного в бизнес большой и малый подались. И деньжищами теперь ворочают, и на крутых тачках по городу разъезжают. А жены их не горбчатся в больницах на приемах, а по курортам катаются. Ему на это было плевать!

— Кому-то ведь надо и людей лечить, Марин, — резонно возражал он жене поначалу, еще лет пять назад. — И иномарки, на которых ездят мои однокурсники, чинить тоже кому-то надо. Вот я их и чиню.

— Ну почему ты?! Почему обязательно ты должен чинить, а они ездить?! Почему не наоборот?! И почему я должна рассматривать гнилые гланды стариков, а не сидеть в это время на теннисном турнире в Мельбурне?!

— А зачем там сидеть-то? — всерьез недоумевал Влад. — Его по телику транслируют. Смотри не хочю! Им там жарко, они газетками обмахиваются, морщины лишние на солнце зарабатывают. А дома на диване красота...

— Ты банален, как двухшовные семейные трусы! — Ага, значит, все-таки Маринка первая заявила об этом в полный голос. — Ты же без пяти минут кандидат наук, а под ногтями у тебя вечный слой мазута вперемешку с отработанным машинным маслом! У тебя просто гордости нет, Хабаров!

— Да ну! Гордость у меня есть, Мариша. Просто я не пытаюсь прожить чужую жизнь. Я хочу своей собственной жить. И она меня вполне устраивает. Ну, чего ты, в самом деле...

Это была, пожалуй, первая, пробная волна ее недовольства — возникла стихийно и почти сразу исчезла. Они быстро перевели разговор в другое русло. А потом и вовсе забыли, из-за чего же они спорили пять минут.

Он сам все испортил. Сам, своими руками и своими благими намерениями.

Ох, как часто потом он вспоминал старую народную мудрость: не делай добра — не получишь зла. И еще одну чуть посовременнее: хотел как лучше, а получилось как всегда.

Влад имел несчастье преподнести своей жене в качестве подарка на годовщину их свадьбы приглашение на презентацию одного модного нашумевшего фильма.

Когда-то давно один юморист утверждал, что все его проблемы в жизни начались с того, что он имел несчастье подарить своей жене и дочке гольфы.

Несчастья Хабарова начались как раз с этого злополучного билета.

Идиот! Как ругал он потом себя, как ругал!..

Нужно было плюнуть на срочный заказ и отправиться на презентацию вместе с Маринкой. Он не плюнул, за что его, собственно, и ценили клиенты. И отправил жену вместе с тещей. Сколько работал над замороженной японской электронной начинкой, столько умилялся тому, какой он молодец. Как удачно все устроил.

Закончил работу, принял душ и усталый и довольный вернулся домой. Вернулся, а там никого. Нет. Венька, конечно, спал давно. Маринки не было. А ведь должна была уже вернуться, времени-то было уже три часа ночи! Кинулся звонить на мобильный — абонент недоступен. Позвонил теще

и, покрываясь ледяным потом, стоял и ждал: ответит или нет.

Ответила, сука старая! Тогда, правда, он так о ней еще не думал. И даже мамой называл.

— Мариша уехала вместе с компанией за город, Владюша, — широко зевая, объяснила теща.

— С какой компанией?! Что за компания? Там же сплошь незнакомые ей люди! И мобильный не отвечает почему-то. Я беспокоюсь, мам, вдруг что-то случилось! — Правда, от сердца у дурака немного отлегло: раз за городом, значит, все нормально, то есть жива и здорова.

— Мобильный Мариша отключила, чтобы звонки не мешали. А в компании, Владюша, все приличные люди. Не стоит тебе беспокоиться. Ложись и отдыхай, устал наверняка. Она вернется утром, скорее всего. Заночуют там же.

— Да где там-то?! Где? Под березами?

— Ну почему сразу под березами? — воскликнула теща, заметно раздражаясь. — Они поехали к какому-то режиссеру или сценаристу, точно не помню, на дачу. Их там человек двадцать. Все взрослые люди. Не потеряется твоя жена, вернется. Не беспокойся и ложись спать.

Спать он улегся, хотя и беспокоился. Задремал на удивление быстро. Правда, сны видел гадкие и неприличные, отчего проснулся в холодном поту. Выпрыгнул из кровати и кинулся из спальни, успев лишь отметить, что времени уже десять утра, а постель рядом с ним по-прежнему пуста. Неужели еще не вернулась?..

Маринка сидела на кухне и накачивалась зеленым чаем. Любила она эту дрянь. Особенно если вечером выпивала немного спиртного.

— Ты что, пила? — первое, что спросил он, усаживаясь в одних трусах за стол напротив жены.

— Я? — она кокетливо повела голыми плечами, на ней все еще было вечернее платье. — Так, немного, чисто символически. Как спалось, дорогой? Как ты, в порядке?

Это было что-то новенькое.

Таких пустых вопросов, заимствованных у киношных героев, он не терпел. И ей об этом было известно. А все равно спросила. С чего бы это?..

— Марин... посмотри на меня, — потребовал Хабаров, обхватил ее тонкое запястье пальцами и потянул ее руку к себе. — Посмотри на меня!

Она посмотрела, но как! Во взгляде было столько холодного вызова, столько презрительного превосходства, что Хабарова моментально пот прошиб.

Что-то произошло там — за городом, понял он сразу. Что-то гадкое, что-то омерзительное, как обрывки из его кошмарного сновидения.

— Только не нужно ничего драматизировать! — воскликнула Мариша, безошибочно угадав его панический страх. — Все нормально, Владя! Все в порядке. Все в полном, полном порядке...

Порядок оказался относительным.

Через неделю выяснилось, что жена решила поменять работу. Кто-то кому-то позвонил. Кто-то кого-то попросил, посодействовал, и Мариша из районной поликлиники перевелась в загородный санаторий. Поначалу простым врачом. А потом и главным заделалась. Из дома жена уезжала затемно и возвращалась так же. По выходным ее тоже дома не бывало. И отпусков у нее не стало. Какие отпуска, она и так круглый год в санатории, восклицала Марина со смехом...

Влад вздохнул тяжело и, чуть приподнявшись на локте, снова посмотрел на жену.

Она проснулась и лежала теперь, не шелохнувшись. Притворялась спящей! Марина так часто делала в последнее время. Будто он дурак совершенный и не понимает ничего. Он все понимает. И тогда сразу все понял, по ее блуждающему, ускользающему взгляду, по ее лихорадочному румянцу на щеках. Понял, что в ту ночь что-то безвозвратно было потеряно, что-то, что не вернется к ним уже никогда.

— А ты бы ее!.. — учил его потом Андрюха. — Я бы лично ее!..

Андрюха, может, и сумел бы, а вот он — Хабаров Владислав Дмитриевич — не мог ничего с этим поделать. Ни с ней, ни с собой.

Он все оставил как есть. Зажался, скорчился, запекся рваной раной в сердце и оставил все как есть. И даже не спросил ее ни о чем.

Нет, однажды все-таки спросил.

— Ты... ты изменяешь мне, Марина?! — У него даже голос сел до свистящего шепота, настолько чудовищным все это казалось: и измена ее, и вопрос этот.

Она рассмеялась в ответ и обозвала Хабарова тривиально несовременным.

Во как! И уехала снова на работу. А он потом еще три дня думал над ее словами в свой адрес. И к началу четвертого вдруг понял, что она не так уж и ошибается.

Он и в самом деле старомоден. Во всем, без исключения!

У него старомодные представления о любви, сексе и семье. Он всегда считал, что одно плавно пере-

текает в другое и потом, как следствие, заканчивается третьим.

Ему казалось, что каждый человек в мире занимает отведенную только для него, и ни для кого другого, нишу. И не стоит даже пытаться рожденному ползать взлететь. Глупо и безрезультатно.

Носил классические костюмы, а зимой — давно вышедшую из моды шапку-ушанку и ботинки на толстой добротной подошве. Смотрел старые добрые фильмы о любви и верности. И главное, сам был верным. Это для Хабарова являлось догмой: если женился, будь верен раз и навсегда. И не расстраивался никогда от того, что проходящая мимо красивая женщина не принадлежит ему и никогда принадлежать не будет. Он воспринимал прекрасных незнакомок как произведение искусства. Красиво — да, смотреть хочется, восторгаться, словно шедевром, выставленным в музее на обозрение. Но нельзя же все это поместить в свой дом и в свое сердце!

Ему нравилось быть со своей Маринкой, и ни с кем больше. Он любил только ее. Любил трогать ее, гладить, целовать, рассматривать. Знал каждую родинку на ее теле. И никакое другое тело он так любить и ласкать не хотел. Ни к чему все это, считал Хабаров. Как оказалось, ошибочно считал. Маринка вон думает по-другому. Дескать, несовременно это. Дескать, мир сейчас стал совсем другим. А разве так это?..

— Марин, — вдруг осмелился Влад нарушить хрупкую предутреннюю тишину в их спальне. — Ты не спишь?

Она промолчала, по-прежнему лежала с напряженной спиной и дышать старалась ровно, будто сонная.

— Не спишь, я знаю. — вздохнул он и чуть подвинулся к ней. Голова тут же закружилась от знакомого родного запаха, а сердце защемило от речи. — Поговорить хотел, Марин...

— Мы только и делаем, что говорим, — произнесла она глухим бесцветным голосом. — Что могут решить эти твои разговоры?

— Я без разговоров уже решил, Марин. Хотел тебе вот сказать, чтобы не стало неожиданностью.

Врал безбожно! Ничего он не решил и решать пока не собирался. По-прежнему любил ее и мучился от сознания собственной слабости. Но раз она начала так...

— И что же ты решил? — Она вдруг резко повернулась к нему. — И что же ты решил, интересно мне знать?!

Марина посмотрела на него заспанными припухшими глазами зло и непримиримо. В голые плечи впились тонкие лямки ее ночной сорочки. Влад с трудом сладил с желанием поправить их, чтобы не давили они нежную кожу и не натягивали так ткань на ее груди. Ничего, справился. Но руку ее, не удержавшись, поймал и прижал к своим губам.

— Ах, оставь, пожалуйста! — Руку Марина привычно отняла и тут же отгородилась от мужа толстым слоем одеяла. — Что ты решил, можно мне узнать?!

С ответом Влад собирался минут пять, не меньше. Рассматривал жену долго. То, что удавалось рассмотреть поверх ее прикрытия. Плечи. Волосы, торчащие ежиком во все стороны. Руки с идеальным маникюром. Рассматривал и с болезненной нервной дрожью представлял, как все это гладит

другой мужчина. И так ему сделалось тошно и от враждебности ее, и от видений этих, которые, скорее всего, и не видения вовсе, а самая что ни на есть настоящая правда, что Влад возьми и скажи:

— Давай разводиться, Маринка. Я так больше не могу!

— О боже мой, начинается! — застонала она. Уставилась не моргая в потолок и все комкала и комкала на груди одеяло. Потом вдруг подскочила и гневно зашипела: — С чего это ты вдруг собрался со мной разводиться, Хабаров?! Ты что, с ума сошел!!! А о Вениамине ты подумал?! Ишь чего удумал, разводиться он собрался! Погоди... У тебя что, кто-то есть?! Хабаров!..

Господи, она и в самом деле была чудовищем. Таким же чудовищем, как и ее мать. Напрасно он столько лет идеализировал ее. Да и в их отношениях не было ничего хорошего, особенно последние четыре года. Не было и, наверное, уже не будет.

Он-то по наивности своей все еще пытался что-то сохранить, связать, заштопать. Но все давно сгнило. Притворяться и не замечать стало теперь бессмысленно.

Что его так поразило? То, как она обрадовалась тому, что у него кто-то есть! Она просто возликовала, допустив мысль о его измене. Глаза моментально загорелись, щеки порозовели, и даже одеяло Маринка вдруг отбросила и сама потянулась к Владу.

— Милый, ну признайся. — утробно хохотнула она, целуя его в шею возле уха. — Давай признавайся, у тебя кто-то появился? Я так думаю, да, раз ты молчишь! Но это же все меняет!

— Что это меняет? Что?!

Ему вдруг сделались неприятны и руки ее, и губы. Еще полчаса назад мечтал о близости с Мариной, а теперь стало противно. Он вырвался и одним прыжком поднялся с кровати.

— Ты куда?! — Марина опешила, тут же отбросила одеяло в сторону и медленным дразнящим движением потянула ночную сорочку по ногам кверху. — Ты разве не хочешь меня, Хабаров? Ну, не ври, пожалуйста. Я же чувствовала, как ты ночью ко мне прижимался. И был весь такой...

— Какой? — Взгляд, как приклеенный, следил за кружевной оборкой, что ползла вверх, открывая Марины стройные бедра.

— Напряженный-напряженный, большой-большой... Хабаро-ов, Влади-иик, ступай ко мне живо-оо... — Марина задрала ночнушку до груди и, передаваемо грациозно изогнувшись, стянула ее через голову. — Иди ко мне, муж мой... Иди!..

И он пошел. Только не к ней, а прочь — из спальни. Совершенно не заботясь, что может кого-то разбудить, сильно хлопнул дверью и тут же скрылся в ванной. Лишь пустив воду и опершись о край раковины, он наконец перевел дыхание. До этого момента он дышать просто не мог. Мог наброситься на Маринку — да, мог бить ее, лупить по холеным щекам и ногам, драть за волосы. А вот дышать не мог. От ненависти. Неужели он и правда ненавидит ее так остро, а?! Что же ты с нами делаешь, жизнь проклятая?!

Влад поднял голову и посмотрел на себя в запотевшее зеркало. Не увидел ничего. Провел пятерней по стеклу и отпрянул невольно. О, как непросто далось ему это утро! Будто десять лет жизни срезало разом. Под глазами — мешки, белки — в красных

прожилках, с двух сторон рта, судорожно сжатого, скорбные складки-морщины. Лицо бледное — до синевы. Замотал головой из стороны в сторону, тут же сунул ее под ледяную струю воды и зарычал от холода и боли.

Да больно ему было, конечно же! Еще как больно!!!

От красоты Маринкиной соблазнительной и подлой. И от продажной сущности ее.

Как она обрадовалась, как возликовала, предположив, что и он ей изменяет. А как же ей было не радоваться! Он же теперь, получается, тоже запятнал себя, а значит, повода для упреков в ее адрес нет и быть не может.

Дрянь! Видеть ее противно после всего! Кажется, и в самом деле придется разводиться...

Хабаров, нарочно не торопясь, принял душ. Побрился и тщательно зачесал назад волосы. Потом подумал немного и потянулся к верхней полке за одеколоном. Пузырек стоял там нетронутым давно, с самого Нового года. Маринка подарила какой-то совершенно новый запах, модный, разумеется. Он понюхал тогда, поморщился про себя. Ну не понравился ему этот чрезмерно утонченный модный аромат. И не пользовался им Хабаров после этого ни разу. Что толку душиться, если через час работы насквозь пропитываешься запахом автомобильного масла.

Сегодня же решил изменить своим правилам, раз уж с вечера начал, подарив соседям попугая. Он вышел из ванной и посмотрел в сторону освещенного дверного проема кухни. Маринка там уже гремела сковородками, готовя завтрак, и стерва такая напевала вполголоса.

Влад улизнул в спальню и лихорадочно оделся... во все новое. Так с вечера почин был заложен, следует продолжать. Джинсы тут же непривычно сдавили бока. А высокий воротник тончайшего свитера впился в горло, мешая дышать. И как только мужики ходят во всем этом с утра до ночи, понять невозможно! Для него вот милее привычных брюк и рубашки нет, а на работе у него удобный широченный комбинезон с дюжиной карманов, набитых железками.

Ладно, переживет. Начал удивлять супругу, следует двигаться тем же курсом. Решил же...

Она по-прежнему была не одета. Без стеснения металась по кухне все в той же прозрачной ночной сорочке. А кого ей было стесняться! Венька встанет только через час. Хабаров ее видел и без сорочки. И кажется, не он один...

— Привет, милый, — пропела Маринка нежно, стоя спиной к нему и что-то переворачивая на сковороде, потом повернула голову и тут же охнула: — Ничего себе, Хабаров! Ты такой...

— Какой? — буркнул он, стаскивая с холодильника вечерние газеты и усаживаясь с ними за стол.

— Такой импозантный, блин! — Маринка снова склонилась над плитой, в сковороде стреляло масло и что-то аппетитно румянилось. — Ведь всегда говорила, что тебе пойдет, а ты упрямылся. Теперь, видимо, кто-то оказался более убедительным, чем я...

— Прекрати! — повысил он голос и тут же загордился от нее газетой.

— Нет, Владик, не прекращу. Мне же приятно осознавать, что мой муж очень красивый мужчина, — игриво произнесла Маринка и снова покосилась на него через плечо. — Очень красивый! Очень молодой! И очень высокий!